

Максим ГОРОХОВ

СЛОВО – АВТОРУ

Как человек
становится творцом

Москва
«Вече»
2018

Александр Алексеевич Лапин
Максим Юрьевич Горохов
Слово – автору. Как человек
становится творцом (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38624383

*Слово – автору. Как человек становится творцом. Публицистика:
ISBN 978-5-4484-0588-4*

Аннотация

Что заставляет человека делиться своими мыслями с массовой аудиторией? Какие формы приобретает такое стремление? И как рождается автор? А шире – творец. Эта книга на примере яркого представителя сразу двух сфер – журналистской и литературной – расскажет обо всех этапах работы над произведением: от возникновения замысла до его воплощения. Как зарождается первоначальная идея, подбирается фактура, создаются герои, оттачивается стиль – обо всем этом и многом другом говорится не сухим языком учебника, а в режиме живой беседы. Заявленные вопросы рассматриваются не умозрительно, а на реальных примерах из богатой творческой биографии собеседника. Понимание скрытых механизмов создания текста поможет читателям найти собственный язык в общении с миром. И сделать слышным свой голос в его нарастающей полифонии.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Максим Горохов
Слово – автору. Как
человек становится
творцом. Публицистика

© Горохов М.Ю., 2018

© Лапин А.А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

Предисловие

Сентябрь 2017-го. Крым. Мы с Александром Лапиным приехали на 25-летие региональной сети «Комсомольской правды» в Ялту. Он – как человек, стоявший у истоков этой сети. Ее создатель и первый руководитель. Я – как нынешний редактор «КП» в Черноземье.

Но сейчас мы ненадолго покинули своих коллег со всех концов страны и находимся в другой части полуострова. Пьем чай в симферопольском кафе – неподалеку от памятника «вежливым людям». И ждем встречи с Владимиром Константиновым – главой Госсовета Крыма. Сюда мы примчались на такси рано утром, чтобы из первых уст услышать подробности Крымской весны 2014-го от одного из ее отцов и идейных вдохновителей.

А после визита в администрацию нас ждут дружеские посиделки за чаем (и не только) на окраине города. Здесь состав более пестрый: бывший командир крымского «Беркута», казак-ополченец, военный советник, помощник депутата, местный издатель. У каждого – свой опыт непосредственного участия в тех исторических событиях. И тоже своя правда. Не похожая на другую. Выстраданная. Вызывающая споры.

Не буду углубляться в их содержание – суть не в том. Лапин собирает материал для нового романа. И для этого при-

гласил своих нынешних собеседников. Задает вопросы. Слушает. Что из рассказанного реально попадет в книгу, пока совершенно непонятно. Но мне интересно наблюдать именно за процессом: как писатель работает над будущим произведением. Потому что моя задача – разобраться с самим автором.

Зачем мне это нужно? «Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!» – сказал бы здесь тот же Лапин, любитель образных выражений и крепкого словца. А я последую принципу, выраженному в поговорке. И выложу все как на духу. Не зря же все эти годы – «каждый день на ремень» (еще одна его присказка). И интересного материала накопилось предостаточно.

С Лапиным мы познакомились в 2003-м. Он в тот момент обживался в Воронеже. Готовился к выборам в Госдуму. Запустил в своих газетах рубрику «Русский вопрос».

Я оканчивал журфак ВГУ. Собирался поступать в аспирантуру. Устроился корреспондентом в местную «Комсомолку».

Александр Алексеевич предложил мне поработать с ним. В первую очередь – помочь с новой рубрикой, размещая в ней его статьи и материалы привлеченных авторов. (Кстати, многие поначалу считали ее не более чем предвыборным проектом. Как и федерацию карате, которую «заезжий московский бизнесмен» взял под свое крыло.)

Я согласился, полагая, что вся эта история – на пару-трой-

ку месяцев. Да и Лапин поначалу показался, как сам он выражается, не сахарным. Важничал. Эту его особенность при общении с малознакомыми людьми многие, наверное, принимают за высокомерие. Но первое впечатление обманчиво. Жесткий бизнесмен, строгий руководитель, самодостаточный человек, вроде бы совершенно ни в ком не нуждающийся, оказался личностью удивительного масштаба. А еще – прекрасным собеседником с широчайшим кругозором и весьма оригинальными взглядами. Которые он не стесняется выражать как в быту – в личном общении, так и публично – обращаясь к массовой аудитории.

С тех пор прошло 15 лет. Мы по-прежнему работаем. Много беседуем. Выпускаем «Русский вопрос». По его материалам вышли три публицистических сборника. Два из них переведены на немецкий в Германии.

Лапин тем временем из журналиста, бизнесмена и политика (в Государственную Думу он так и не пошел, но депутатом областной пришлось поработать) превратился в писателя. Всерьез занялся литературой, которую теперь считает главным делом своей жизни.

Я же успел потрудиться редактором в сети еженедельников, выходивших в Белгороде, Курске, Липецке, Тамбове. Занимался газетами в Волгограде и Старом Осколе. А потом – в Воронеже. Преподавал на журфаке. «Без отрыва от производства» окончил аспирантуру, защитив диссертацию по теме «Автор публицистического текста как субъект выска-

зывания». Сопоставил в ней создателя журналистского материала и литературного произведения.

Правда, в тот момент еще не понимал, что живой и яркий пример у меня перед глазами. Пример автора, успевшего проявить себя в обеих ипостасях. И, разобравшись с его творческой кухней, можно сделать немало выводов об общих принципах как публицистического, так и художественного высказывания. Равно как и о трансформации авторского «я» при создании текстов разного типа.

Тем более, что биография нашего героя сама по себе могла бы стать основой закрученного сюжета – здесь он выступает еще и как автор собственной насыщенной событиями жизни.

С самых низов социальной лестницы дотянуться до очень серьезных высот. Четыре раза начать все с чистого листа на новом месте. Добиться успеха в бизнесе в «лихие девяностые». Организовать выпуск независимых газет в разных концах страны. Поднять «русский вопрос», когда другие обсуждают его только на кухнях. Помимо сотен статей написать два десятка книг и, наконец, ставший бестселлером шеститомный роман, отмеченный престижными литературными премиями. А потом выпустить еще один. И тут же взяться за третий. Побывать в шкуре общественника и кресле депутата. Организовать спортивную федерацию, где занимается тысяча школьников. Объехать весь мир и в итоге построить дом в воронежской глубинке.

Как все это стало возможным и переплелось в судьбе одного человека, рассказывает книга, которую вы держите в руках.

Но главная ее цель – приблизиться к пониманию того, что происходит с автором в современном мире. Когда страх перед чистым листом бумаги, в котором не стеснялись признаваться советские мэтры, сменился у нас очень недолгим раздумьем перед дробными ударами по компьютерным клавишам. Или перед порханием пальцев над экранами смартфонов, ежеминутно множащими миллионы постов в соцсетях. Когда каждый – автор.

Но каждый ли творец? И почему так важно им стать? Поговорим с человеком, который не только сам движется в этом направлении, но и активно призывает других. Даже на седьмом десятке ежедневно встает в шесть утра, чтобы написать пару новых страниц. Считает себя «обреченным творить» – ни больше ни меньше.

Слово – автору.

Часть I

Журналист

превращается в писателя

Глава 1

«Настоящая жизнь – это творчество»

В этой главе Александр Лапин рассказывает о своих ошибках и достижениях; о том, почему человек учится только на собственном опыте; что позволяет очистить разум; как правильно распоряжаться отведенным тебе временем и о многом другом.

– Александр Алексеевич, вам уже далеко за 60. Что бы сказали себе 20-летнему? От каких ошибок постарались бы уберечь?

– Невозможно ничему научить другого человека. Моей дочке 14 лет. За обедом пытаюсь убедить ее: «Надо есть суп, а не фастфуд. Мы то, что мы едим». Очевидные истины. Но не действует. Наверное, только когда живот заболит, придет понимание. Так что никто не может дать нам советов. Человек сам должен нажить свой опыт.

Во-вторых, наши ошибки – наше богатство. Они нас и

учат. Перед нами ставятся задачи, которые мы должны решать. Как в школе. Пока не решил, будешь выполнять тот же урок.

Что касается моих собственных ошибок, в молодости я слишком привязывался к людям. Пытался их опекать. Прикипал душевно. Влюблялся в девушку – она становилась сверхценностью. А потом уходила. И оторваться было трудно. Пока не понял: у каждого своя жизнь, своя дорога. Не нужно цепляться за другого человека. Он же не умер. Мы будем друг друга вспоминать. Так я потом говорил и себе самому, и тем, с кем расставался. И все проходило гораздо спокойней. Поэтому чисто умозрительно могу посоветовать молодым быть более самодостаточными.

Но повторяю: каждый свой опыт наживает сам. И если делать это правильно, меняться достаточно быстро, то можно убежать даже от кармы. Сам я, работая в «Комсомольской правде» в наиболее тяжелые времена, занимая разные начальствующие посты, отдавался этому делу полностью, выжимал из себя все соки. И годам к 40, нажив кучу болезней, практически стал инвалидом. Вполне определенно могу сказать: стоял на краю могилы. Не мог нормально ходить – тянул ногу. Нажил проблемы с пищеварением – сделали одну операцию, собирались еще что-то вырезать. Тут уж хочешь жить – будешь что-то менять. Либо прекратишь дергаться и волноваться, либо загнешься.

Тогда я впервые задумался о том, что делаю что-то не так,

живу неправильно, и решил упорядочить свой внутренний мир. Начал себя перестраивать.

По идее давно должен был стать развалиной. Но недавно обследовался – все в норме. И я неплохо себя чувствую, занимаясь параллельно бизнесом и литературным трудом.

«Сознание нужно очистить от лишних мыслей»

– Как удалось начать жизнь заново?

– Это как раз сердцевина моей книги «Святые грешники». Все самосовершенствование происходит через безмолвие разума. Нужно очистить сознание от лишних мыслей. А потом уже можно настраивать свою скрипочку на любую нужную тебе волну. Для меня главное – творчество. Поэтому мысли мои заняты сейчас главным для меня: новыми книгами, образами. А то, что раньше тревожило, отошло на задний план.

Успокаивая свой разум, я освобождаю его от разного каждодневного хлама, расчищаю место для творчества. Сегодня мне это понимание дает силы и вдохновение. Зачем мне мой бизнес? Затем, чтобы донести мои мысли, положенные на бумагу, до читателя. И я счастлив оттого, что самостоятельно могу это делать. Мне не нужны спонсоры, не надо унижаться и кого-то просить. Появляется смысл вести бизнес дальше, хочется жить, работать и творить.

– Какое свое достижение считаете главным?

– Хорошо, когда тебе 66. Позади честолюбие, карьера. Я с улыбкой смотрю на тех, кто всерьез занят какими-то интригами. Борьбой за должности и социальный успех. Хотя никого не осуждаю. Каждый живет в своем мире и на своем уровне вибрирует. У тебя свои заботы, у меня свои. Главное – не пытайся переделать меня.

А своим важнейшим достижением считаю большой путь, который удалось пройти. Даже не материальный, а духовный. Хотя одно невозможно без другого. Если человек сидит и ничего не делает, то и развитие его идет медленно. В той же Индии верят, что душа перерождается тысячи раз. И неудивительно. В их деревнях ничего не меняется веками: как собирали четыре урожая в год, так и продолжают – примерно в тех же декорациях. А русский человек живет в тяжелых условиях. Зима восемь месяцев в году. Революции. Социальные эксперименты. Войны. Развал страны. Такие обстоятельства целый народ делают философом. А с другой стороны – заставляют меняться очень быстро.

Сам я пять раз менял место жительства. Хотя в России обычно где родился, там и пригнулся. И переезжать в нашей стране непросто.

С детства жил на Кавказе. Служил в Сибири. Учился и работал в Казахстане. Когда меня выдворили оттуда как русского журналиста местные националисты, перебрался в Москву. Теперь вот осел в Воронеже. В разных условиях

жизни получаешь разные уроки. И сам растешь.

А разочарования... Бывают такие завязки – я называю их кармическими – которые преследуют тебя всю жизнь. Когда нужно развязать какой-то узел в отношениях с человеком, но не получается. По молодости лет из-за этого страдаешь. Думаешь, что и твоя жизнь могла сложиться по-другому – более ярко, насыщенно – и чья-то еще. А теперь я понимаю, что это тоже урок. Хотя все равно осталась горечь. И ощущение чего-то непознанного, которое ушло.

«Пишешь, пока у тебя есть что-то за душой»

– Писатель вообще занят тем, что познает людей. Самое важное ваше открытие на этом пути?

– Обычно мы судим других по себе. Думаем, что они такие же. Самым важным моим открытием было то, что люди абсолютно разные. И ценностью в своей жизни могут считать все, что угодно. Так устроено сознание. У террористов ведь тоже есть какие-то извращенные идеалы. Человек способен как достичь высших состояний, так и опуститься ниже сточной канавы. Например, я был поражен, читая документы о расстреле царской семьи. В таких проявлениях люди хуже, чем животные. Те убивают, чтобы жить. А тут – из-за какого-то заворота в башке.

– В советское время писателей называли инженера-

ми человеческих душ. Какую главную цель преследуете вы: воспитание читателя или, может быть, самовыражение?

– Просто есть Божья воля. Я должен это сделать. Без всяких задних мыслей. Как с церковью в нашей деревне. «Чего ее восстанавливать? – говорили односельчане. – Лучше газ провести. И вообще, не мы разрушали». Но так было надо.

То же самое и с написанием книг. Не собираюсь никого просвещать. Кому нужно – прочтут.

– Что вы больше любите: читать или писать?

– Читать, честно говоря, легче и приятнее, а писать каждый день, иногда через силу заставлять себя – здесь нужна большая самодисциплина. Но и радость творчества полнее!

– А что приносит большее удовольствие: процесс работы или результат?

– Скорее всего, процесс, потому что, когда книга заканчивается, она мне больше не интересна. Желания что-то переделывать, переписывать в угоду кому-то нет. А сам процесс меня захватывает всего с головой! Если книга созрела, то она начинает сама из тебя выпирать и литься изнутри. Правда, это сильно изматывает. Ведь я провожу пять дней на работе в собственном издательстве, а потом все выходные пишу, потому что не могу этого не делать. Надо бы вроде и отдохнуть, и с детьми повидаться, но остановиться не в силах.

– От общественной деятельности вы перешли к писательской. Сегодня есть немало обратных примеров. Как к этому относитесь?

– Писатель пишет, пока у него что-то есть за душой. Когда больше нечего сказать – переходит к чему-то другому. Так, Шолохов, написав «Тихий Дон» и «Поднятую целину», застопорился. Или Толстой, сказав в своих великих романах обо всем, что было ему важно, бросил это дело и занялся образованием крестьян. Начал сочинять детские рассказы. Некоторые говорят: «Вот если бы Пушкин не умер, сколько бы еще написал». А мы не знаем. После всего сделанного много ли у него осталось в заглавнике? Или у Лермонтова, который в 26 лет уже был классиком. Грибоедов вообще написал только великое «Горе от ума». А Ершов – знаменитого «Конька-горбунка» и трудился потом скромным директором гимназии.

Если запасы закончились – один идет за новыми, а другой берет бутылочку и квасит. Третий – подается в общественную деятельность. Но больше всего меня умиляют еще молодые писатели, которые стремятся в депутаты: что они там почерпнут?

«Журналистика отвечает на злобу дня, а литература – на вечные вопросы»

– Вы стали известным журналистом еще в советское время. Можете сравнить силу печатного слова тогда и сейчас?

– Слово, это по-прежнему очень действенно. Но оно должно быть искренним. Журналистика обладает важным качеством, которое держит ее на плаву. Даже самый последний жулик в глазах окружающих хочет выглядеть прилично. Поэтому СМИ имеют такое воздействие на людей. Плюс СМИ информируют. Это тоже первичная потребность человека.

Когда мы занимались советской журналистикой, она имела понятные, благородные правила. Потом окунулись в рыночную, вульгарную. Затем стали учиться на Западе – писать якобы объективно, не впадая в пристрастие, учитывая разные точки зрения. Сегодня опять вернулись к советской модели – замешанной на пропаганде. И в остальном мире беспристрастная журналистика тоже закончилась. Это не хорошо или плохо. Просто время течет – лицо ее меняется. Журналистика отвечает на злобу дня.

А литература – на вечные вопросы. Которые человек задает всегда, независимо от общественного строя и сиюминутных перипетий. В романе «Русский крест» я просто смот-

рю на жизнь объективно. Мог бы проклясть в нем советскую власть или националистов, которые выгнали нас из бывших республик. Но задача моя была не в этом. Мы пережили распад империи, смену общественного строя, новое крещение Руси – даже по отдельности такие события происходят раз в тысячу лет. А здесь сошлось все вместе. И для писателя это не объект пропаганды.

«Наше счастье – внутри нас самих»

– Вам присущ социальный оптимизм? Верите ли в возможность общественного прогресса, от которого напрямую зависело бы счастье людей?

– Наше счастье – внутри нас самих. От нового «Кадилака» оно не придет. В благополучной Норвегии – куча самоубийств. Такие же одинокие старики. Заглянешь к нему в гости, подаришь бутылку – он и рад. С этим пузырем потом и побеседует.

Это скорее относится к вопросу внутреннего состояния. Мы же на самом деле живем где? В голове. Внешне наша жизнь до боли проста и предсказуема: встал, поел, поспал, дела поделал – все. Остальное, что происходит с человеком, находится у него в голове – отсюда и уровень здоровья, и качество отношений с другими, и представления о самом себе: какой ты, какие у тебя достоинства, недостатки. Иногда в эту голову поступают какие-то мысли свыше, а иногда ка-

кие-то слова, которые кто-то о тебе говорит – и ты переживаешь или, наоборот, радуешься. И если в голове порядок, все выстроено, по полочкам уложено, то все хорошо.

Несчастья ведь тоже происходят в зависимости от того, какие мысли голова генерирует. Хорошо вокруг никогда не бывает. У всех есть свои страхи, проблемы. Такие бывают неразрешимые! Но они всегда внутри нас – чего мы боимся, то с нами и случается. И часто настолько неожиданно – вроде все контролируешь, и тут неизвестно откуда тебе пакость подкидывают. Преодолевая все это, мы растем духовно – вся жизнь в этом заключается.

Хотя есть объективные вещи. Если минимальная справедливость в обществе не обеспечена – люди начинают возбуждаться, злиться, сбиваться в кучки. И недостаток внутреннего счастья пытаются компенсировать поиском его вовне. Это присуще и целым народам – в первую очередь западным.

«Самочувствие русских изменилось»

– Вы были едва ли не первым, кто в начале 2000-х столь масштабно поднял «Русский вопрос». Что к этому подтолкнуло?

– На рубеже смутных 1990-х я возвращался в Россию из Казахстана. До этого работал там спецкором «Комсомолки» и успел всем насолить. Особенно – местным националистам. В результате меня оттуда попросту выслали. Но, приехав в

Москву, я думал: здесь наконец-то обрету отчий дом. На Родине ждут не дождутся таких соотечественников. Активных и целеустремленных. Готовых делать что-то полезное. Строить и созидать. Но получилось совсем не так. Россия оказалась не той, о которой мы размышляли, сидя в бывших советских республиках.

Как выяснилось, ей не интересны блудные дети, разбросанные по окраинам империи. И даже в родной редакции, где тогда господствовал дух либерализма, в ответ на свои рассказы о том, как нас гнобили «младшие братья», я слышал: «А какого рожна ты там сидел? Вы для них колонизаторы – вот местные и погнали оккупантов». Впрочем, разглагольствовать и жаловаться на жизнь было некогда – нужно было работать, кормить семью, выживать.

Но когда через несколько лет из столицы я переехал уже в глубь России – увидел, что живущие здесь люди тоже не чувствуют себя русскими. Они оказались запоздало советскими. Все еще верящими в то, что вместе с другими братскими народами мы должны были строить светлое будущее. Это удивило и заставило задуматься. А конкретным толчком, побудившим меня к активным действиям, стал момент, когда я взял в руки итоги Всероссийской переписи населения 2002 года.

Эта тема мне очень близка. Еще в университете я защитил по ней дипломную работу, а потом начал писать диссертацию «Демографическая проблема в печати». И вот, позна-

комившись с новыми цифрами, отчетливо осознал: русский народ вымирает. Но надо не просто лить слезы, провожая его в последний путь, а думать, как спасти титульную нацию. И вместе с ней – саму Россию.

Для этого я открыл в газетах нашего издательского дома рубрику «Русский вопрос». Вскоре появилась и одноименная телепередача. Уже более 15 лет мы обсуждаем самые острые проблемы нашего народа. Боремся за то, чтобы русские почувствовали себя хозяевами на своей земле. Начали восстанавливать собственные традиции. И снова обрели волю к жизни.

– Как поначалу это восприняли окружающие?

– Удивительно было, что даже журналисты наших редакций спрашивали: «А зачем нам это? Разве есть такой вопрос?» Само слово «русский» тогда было едва ли не под запретом. И тех, кто осмеливался произносить его с гордостью, без самобичевания и стеснения, органы власти априори считали радикальными националистами, погромщиками и потенциальными убийцами. Народ был унижен и оскорблен.

Само появление «Русского вопроса» в СМИ вызвало болезненную реакцию. Прокуратура напоминала мне о недопустимости разжигания национальной розни. Грозилась пальцем. А с другой стороны, эта тема не могла не найти отклик у людей.

Все больше углубляясь в нее, я искал ответ и на вопрос,

кто же такой русский человек? В результате вывел для себя простую формулу: «Принадлежность к русскому народу мы определяем не по крови, а по духу. Русский – тот, кто считает себя русским, воспитан в нашей культуре и работает для России». А чуть позже пришел еще и к тому, что русский не может без православия. (Кстати, подтверждение этой мысли находим у Достоевского.)

– Вы говорите, поводом для вашей работы стало вымирание народа. А еще то, что мы перестали быть хозяевами в собственной стране. Что изменилось с тех пор?

– Из месяца в месяц, из года в год я распахивал эту целину. Но задачей было не просто поразмышлять или почесать язык.

Для журналиста важен результат. И когда через несколько лет почти все высказанные в нашей рубрике предложения – по демографии и не только – сначала легли в основу программы «Партии Жизни», а потом – и программы баллотировавшегося тогда в президенты Дмитрия Медведева, я понял, что эта работа оказалась востребована. Нынешняя власть наконец начала разворачиваться в сторону государствообразующего народа.

И это придает сил двигаться дальше. Потому что русский вопрос еще не решен. А ключом к его решению может быть только создание русского национального государства.

Потом уже мы увидели и материнский капитал, и программу репатриации соотечественников (правда, на деле с ней оказалось все не так радужно). В общем, все идеи оказались востребованы. Не устаю повторять: нет ничего более практичного, чем хорошая философия.

Затем, в 2009 году, мы обратили внимание на повальное пьянство – основную проблему народосбережения. Появились соратники. Возглавил дело воронежский губернатор Алексей Гордеев. Подключилась церковь. Нужен был перелом в народном сознании – хотя бы у молодежи, считавшей пьянство нормой жизни. Это и стало частью «Русского вопроса». Поставленных целей мы добились. Психологические перемены вылились в законодательные инициативы. И теперь эта проблема заключена в четкие рамки. Хотя понятно, что полностью ее решить едва ли возможно.

В целом же за эти годы изменилось самочувствие русского народа и атмосфера, в которой он существует. Если в 1990-е русские чувствовали себя униженными, никому не нужными, то сегодня мы вспомнили, что у нас есть национальная гордость. Своя великая история и культура. Финальным аккордом стало возвращение Крыма. Правящую элиту это тоже заставило понять: народ хочет, чтобы его уважали. Произошел, надеюсь, окончательный разворот России к системе традиционных ценностей, которую из нас пытались изъять в 1990-е.

Считаю, во всем этом сыграл свою роль и «Русский во-

прос». В измененном виде он продолжает существовать: сегодня я наблюдаю за происходящим на Украине, пишу о других проблемах русских.

«Сделали круг и вернулись в прежнее состояние»

– Вы активно выступали за создание в России национального государства, о котором сейчас упомянули, и считаете его ключом к решению русского вопроса...

– Для меня это большая тема. Мы сделали круг и вернулись в такое же состояние, как перед Февральской революцией. По сути, у нас те же три кита: православие, самодержавие, народность. Но создано бюрократически-олигархическое государство с элементами управляемой демократии. Чтобы дальнейшее развитие шло по Марксу, которого я чту, мы должны перейти к демократии реальной. Иначе не справимся ни с коррупцией, ни с другими проблемами. На этой стадии свое слово должна сказать буржуазия. Причем не компрадорская, а национально ориентированная. Именно ей нужно взять власть, создав партии, сформировав программу.

Но то ли она у нас очень трусливая, то ли просто беспомощная. Как и в 1917-м, когда буржуазная революция ни к чему не привела. С февраля по октябрь эти люди правили страной и ничего не делали для решения вопросов, постав-

ленных самой жизнью: о войне, о земле, о дальнейшем развитии России... А потом пришли большевики. Жестокие и свирепые. И создали страну заново – под себя, оросив ее кровью.

Сегодня нужна естественная сменяемость власти: я категорический противник переворотов. А для этого требуются реальные партии, которые грызли бы друг друга и очищали поляну. Свободный суд. Чтобы все появилось, требуется нормальная политическая система. Но пока не складывается. Это создает очень неустойчивую конструкцию власти – когда она сосредоточена в руках одного человека и бюрократического аппарата.

Возникает странное противоречие: между требованием времени – демократией – и отсутствием движущей силы. В результате Россия снова оукливается в империю. Сама власть, похоже, осознает ущербность своей застывшей позы. Создала ОНФ – подпихивать чиновников, поддерживать остатки независимой прессы. Начинает беспокоиться из-за того, что местные царьки и элиты никуда не ведут. Потихоньку их перетряхивает.

Как все разрешится, не знаю. С одной стороны, реформы у нас всегда начинались сверху. С другой – реформаторов обычно не жаловали. Александра Освободителя убили народовольцы. Хрущева свергли секретари обкомов, пока он был в Крыму. Решили: нам и так хорошо. Сел Леонид Ильич на правление и досидел до чего? До революции. А теперь он у

нас опять хороший...

«Бизнес – это война»

– От политики перейдем к бизнесу, которым вы занимаетесь более 30 лет. Что скажете о положении предпринимателя в сегодняшней России?

– Бизнес – это война. Год здесь идет за три. И каждому предпринимателю в нашей стране нужно выдать медаль. Он постоянно находится в состоянии борьбы с окружающей атмосферой: апатией народа, административной системой, которая гнет и душит. Чиновник всегда находит способ тебя ободрать: запретили частые проверки – повысили штрафы. Все снова откупаются. Что делать? Перемешивать элиту. Обеспечить сменяемость. Никакого секрета. Нет плохих и хороших. Все во власти пригреваются и начинают играть по ее правилам.

– А каковы ваши личные правила бизнеса?

– Во-первых, у тебя должна быть идея. Во-вторых – люди, готовые ее подхватить. В-третьих, нужны деньги для развития.

В-четвертых, необходимо соблюдать закон. И наконец, необходимо делиться.

– Как заработать деньги, но не дать им себя пора-

ботить?

– Как и всякая вещь, они обладают двойственными качествами. Расширяют степень свободы, дают возможности: увидеть мир, начать новое дело, развиваться и двигаться дальше. Но если становятся самоцелью и ты начинаешь во-круг них приплясывать, то деньги превращаются в вериги. Появляется куча проблем, обязательств. Всю жизнь можно потратить на то, чтобы накапливать капиталы и с утра до вечера ими управлять.

Сам я всегда умел жить по средствам. Даже когда в армии получал 3 рубля 80 копеек, рубль у меня оставался.

Важно во внутренней системе ценностей расставить приоритеты – что главное, что вторичное. И тогда все обретет форму. У меня есть семья, ответственность перед людьми. Есть творчество. И оно требует подпитки. Много ли мне самому надо? На кашу и ботинки в любой ипостаси могу зарабатывать. А когда ставишь большие цели – издать книги, выпустить передачи, посетить для этого самые разные места – нужны средства для их достижения. И сам процесс зарабатывания становится не таким тупым занятием.

– Как сегодня вы понимаете успешную карьеру?

– Ты тем успешней, чем больше удовольствия получаешь от работы. И чем больше у тебя свободы. Высшая ступень карьеры – когда можно распоряжаться своим временем, мыслями. Независимо от должности и количества денег.

Наверное, сам я мог бы стать крупным чиновником. Или военным – даже мечтал об этом в молодости. Но, отслужив срочную, увидел свою будущую жизнь как одномерную полосу: щелкай каблуками, выполняй приказы.

Захотелось быть как можно меньше встроенным в систему. Поэтому и выбрал журналистику. Конечно, пришлось пройти все редакционные коридоры. Но став собкором «Комсомолки», я мог сам планировать свою работу.

После распада советской системы уже более 25 лет занимаюсь издательским бизнесом. Но и здесь – что построил, то и возглавил. Последние пять лет был еще и депутатом – с меня хватило.

Если бы все эти годы не занимался творчеством, с ума бы сошел.

«Время нужно тратить на жизнь»

– Объехав множество стран и городов, вы поселились в сельской местности – поближе к реке и лесу. Какие у современного человека отношения с природой?

– Сегодня это модная тема. Раньше человек мнил себя царем мироздания. Но на самом деле мы и природа – равные величины. И природа имеет полное право отомстить, уничтожив наш вид. Он ведет себя абсолютно неразумно, доминируя на планете. Уничтожает среду обитания, некон-

тролируемо размножается. И рано или поздно мы будем жестоко наказаны. Потому что живем как алкоголики, опрокидывающие рюмку за рюмкой. Умножаем уже не ценности, а ненужное барахло. Без всякой нужды меняем телефоны, машины... Сжигаем миллионы тонн топлива, хотя должны перейти на другие источники энергии. Наказание это будет жестоким, но полезным. В чем оно выразится, не знаю. Наверное, в очередной катастрофе. Тогда мы изменим свое мировоззрение. Поймем, что не надо нам 150 рубашек и авто в тысячу лошадиных сил. А пока находимся на грани.

– Не мешает ли вам это отшельничество оценивать текущие события, на которые вы, получается, смотрите не изнутри, а со стороны?

– Сегодня можно жить в деревне и быть абсолютно вовлеченным во все события. Потому что СМИ и интернет настолько охватили мир, что человек никуда от них уйти не может. Теперь все с собою носят и телевизор, и газету, и источник распространения разного рода слухов в виде планшета или айфона. Так что не получается отшельничать. Это дает только возможность хотя бы на какое-то время от суеты отойти, посидеть, подумать. Да я и не считаю, что главная задача человека – спрятаться от жизни. На сегодняшний момент важно своей верой, своим поведением, примером двигать других. Иначе, если все попрячутся, кто будет в этом мире показывать дорогу?

– Как человек, столько успевший в своей жизни, дайте совет: на что тратить время в детстве, молодости, зрелом возрасте?

– Время нужно тратить на жизнь. Течет оно для всех по-разному. Убыстряется, когда нет ничего важного. И растягивается, если ты видишь и познаешь что-то новое. В детстве почему день казался таким длинным? Потому что мы столько всего узнавали. Сегодня тоже бывает, в путешествии прошел день-два, а у тебя масса открытий. Как будто маленькую жизнь прожил. А звонишь на работу – там ничего не происходит. В результате многие не замечают, как пролетают года. Потому что и не живут толком. Другие же успевают получать массу впечатлений от каждого дня: их мир – интересный, яркий, насыщенный. А ключом к этому является творчество. Причем в любой доступной человеку сфере.

«Сегодня необходим человек-творец»

– Вы даже порой говорите о необходимости новой религии – религии творчества...

– Чтобы человек был творческим, нужно не просто желание, а некое долженствование. Почему в своих «Канонах розы мира» я говорю: человек должен очистить разум, а потом творить. Это и есть сегодняшний уровень философии, религии и жизни. Счастье – в творческом труде. Ведь Бог – тво-

рец! На каждом этапе мы обращаемся к нему по-разному. У него же тысяча наименований: всемилостивый, всеблагий, вселюбящий, всепрощающий... Но наступает такой период, когда должно измениться наше представление о нем. Бог поворачивается к нам творческой стороной. Он сотворил этот мир и требует от нас сотворчества. Причем, как я подозреваю, процесс творения еще не закончен. Господь запустил его и наблюдает, корректирует.

Карл Маркс говорил, что самое большое богатство при коммунизме – это свободное время. Чем должен заниматься его человек? Творчеством! Смысл жизни – в движении, в постоянном, непрерывном духовном росте. И вот когда человек становится творцом вместе с Богом, он начинает двигаться, в своем развитии поднимается на ступеньку выше.

Благодаря техническому прогрессу рутинные операции постепенно уходят. У людей высвобождается время, энергия. И они могут творить – в самом широком смысле, каждый на своем месте. Время дикости прошло, и наступает другая эпоха. Мы подступаем к моменту, когда нужен человек-творец в массовом масштабе. Поэтому любая религия должна измениться – стать религией творчества. Человек должен творческий акт совершать как молитву. Когда он станет сотворцом Бога, жизнь его начнет обретать смысл.

Такой человек всегда творит, чем бы ни занимался. В первой части моего романа «Русский крест» главный герой коров пасет – он пасет их творчески: в его голове складывается

не то, что он какой-то пастушок-сирота, а ковбой, участвует в соревновании, ставит мировой рекорд по уборке навоза... Все можно делать творчески, когда ставишь себе задачи, которые хочешь выполнить блестяще: семью создать, огород вспахать. В этом и есть высший смысл, который примиряет с рутинной.

Творчество охраняет от всякой ерунды, которая на тебя сыплется. Сразу выстраивается система ценностей. Машина сломалась, котел в доме в мороз остановился – это все переживем, есть же другое, за что есть смысл бороться, чему радоваться. В процессе творчества человек защищен – может не есть, не пить, он полностью погружен в свое. Как бы ни пытались его ущемить, выбить из колеи, каких бы сложных задач перед ним ни ставили – занимается главным.

По себе знаю: если что-то пишу, работаю, то прекрасно себя чувствую, у меня всегда настроение хорошее, энергия приливает. То, что называют благодатью, приходит ко мне, когда я творю. И думаю, Бог испытывал похожие чувства, когда создавал этот мир – планеты, космос.

Глава 2

«Людей интересуют люди»

На примере статьи «Я люблю» Александр Лапин делится подробностями о том, как рождается идея, подбираются факты и строится материал.

– Александр Алексеевич, почему вы решили обратиться именно к этой теме? 1991 год. Время непростое. И вдруг – любовь.

– Вообще, журналист движется за временем – должен всегда его чувствовать. Что происходит на дворе? Какие процессы протекают у людей в головах и обществе в целом? Какие вещи он видит вокруг себя? И еще есть такое понятие, как болевой порог. Когда я учился на факультете журналистики, у нас был преподаватель, который говорил, что наша профессия без пониженного болевого порога, без ощущения других людей бесполезна. Если ты не чувствуешь боли окружающих, не пытаешься им помочь, ну какой ты публицист?

Статья «Я люблю» (см. Приложение. – М. Г.) писалась, когда появилась новая журналистика, сейчас уже отживающая свой век. Это была журналистика сенсаций, фактов – требовалось подавать их все острее, все жаренее, порой – страшнее. Возможности расширялись.

Сегодня уже дошли до того, что с утра до вечера обсуждают интимные подробности: кто кого, сколько раз и в какой

позе. В то время так не было принято. Настоящие журналисты понимали, что надо сохранить в профессии что-то, грубо говоря, святое. А вторая сторона вопроса заключалась в том, что пошел процесс разложения всего на свете: за распадом страны начала распадаться жизнь людей. То есть государство стало разваливаться, едва ли не каждый регион – провозглашать свои ценности. Выкрикивать, как Украина сейчас: вы такие, а мы такие!

Вещи, за которые можно держаться

– Это было во всех 15 республиках, да еще в областях самой России: такой шум, гам и треск поднялся. А следом начали распадаться человеческие связи: дружба, любовь, какие-то вещи, которые раньше людей объединяли. Этому процессу нужно было дать оценку, противостоять, предложить что-то взамен.

И в подобной ситуации ты как журналист начинаешь думать: смотри, все разваливается. За что человеку внутренне зацепиться? Нам-то всю жизнь объясняли, что надо держаться за советскую власть, за гуманизм, за коммунизм. А тут – полный распад прежней системы. И с одной стороны, требовалось проанализировать, что же все-таки ее скрепляло, а с другой – предложить людям что-то новое.

В данной статье речь шла о том, каким образом советская власть, начиная с момента ее появления в 1917 году, отвеча-

ла на ключевые вопросы человеческих взаимоотношений. Я люблю историю, всегда изучал ее – вот и начал ковыряться в проблемах, которые были обозначены в то время. В частности, там я пишу, как пытались обобществлять женщин, а потом и детей – предлагали воспитывать их в интернатах. Пропагандировали свободную любовь. И так далее.

Когда создавалась статья, уже стали появляться конкретные факты. А факты эти очень простые. Редакция была слепком Советского Союза. «Комсомольская правда» – газета, которая издавалась по всем странам нынешнего СНГ, да еще за рубеж выходила, и поэтому в ней работали корреспонденты, которые представляли разные культуры.

Я смотрел, какие ситуации складывались в бывших республиках, в семьях. У меня был коллега Азер Мурсалиев – собкор в Баку, жена у него – армянка.

А в это время, если грубо говорить, азербайджанцы стали выгонять армян из республики и начались погромы. В нашем представлении это была абсолютная дикость: людей убивали, женщин насиловали.

Мои знакомые тоже оказались в этой истории. Кто-то их вывез – семья кое-как убежала в Москву. И они стали рассказывать, что происходит, как наш некогда единый советский народ «вывернул шубу». Только что все были братья, друг друга уважали – а тут даже наши люди из центральной московской газеты вынуждены бежать в столицу, чтобы скрыться.

Тогда я понял, что надо высказаться по этому поводу. Поставить вопрос о том, что в жизни человека есть какие-то вечные ценности, независимо от государства, общественного строя или морали, которая сегодня одна, а завтра – другая. Как я говорю, есть мораль, а есть нравственность: первая меняется в зависимости от ситуации и состояния людей, а вторая включает представления, которые не поддаются никаким метаморфозам.

И тогда я решил, что только такие вещи, как любовь и семья, могут быть ценностными для нового, нарождающегося общества и способны удержать нас на плаву. Раз больше нет страны, нет советской морали, нет закона, за них и надо бороться, чтобы вместе, взявшись за руки, перейти вброд это бурное время.

Вот так появился замысел статьи «Я люблю». Возможно, она была и для меня основополагающей. Я ведь такой же, как все остальные. И решал эти вопросы не только для других, но и для себя. Описывал метания не только своих героев. За что держаться мне самому? На что опереться? Я тоже родился и 17 лет прожил в Кабарде. Потом переехал в Казахстан, где провел целых 22 года. Там были друзья, жена и двое детей, которых еще не успел вывезти. Так что все эти вещи меня крайне волновали.

А когда пишешь о своей жизни, ты пишешь искренне, ничего не выдумывая. И тогда у тебя в статьях появляется то самое, что и должно быть – искра, зажигающая самых раз-

ных людей. Просто большинство не может высказать эти же мысли так складно – оно как будто немое. А журналист способен выразить свои поиски смысла жизни и передать эмоции – так, чтобы это нашло созвучие в настроениях масс.

Тираж «Комсомолки» тогда был гигантским – 22 миллиона. И слово ценилось куда больше, чем сегодня, когда никто ни за что не отвечает. Оно было на вес золота. Люди газетам верили.

В этой ситуации нельзя было ошибиться. И я для себя тогда определился: ну ладно, все рухнуло – и хрен с ним. Все разбегаются. Но есть же вещи, за которые можно держаться: семья, любовь, дети. И ради них, ради их будущего нужно продолжать жить, работать, бороться – всплывать, а не тонуть.

Вот так и появилась эта идея. Остальное – дело техники. Статья вроде философская, а как ее сделать живой? Естественно, существовало правило: для затравки надо взять человека, рассказать о его судьбе и потом ее умножить на миллионы других. Напомнить историю, подвести факты – чтобы стало понятно: это не просто одна судьба, а общественное явление. И давайте теперь будем решать, что с ним делать.

– Этому вас учили на журфаке, или уже когда вы в «Комсомолке» работали?

Таким вещам не учат – сам доходишь. В «Комсомольской правде» было так: «Милый, на хрена ты мне принес какую-то

кучу фактов?» Это никому не нужно. Человеку всегда интересен другой человек, его жизнь. Поэтому если хочешь написать серьезную статью, с историческим контекстом, то, естественно, тебе надо найти героев и на их примере все изложить. Сейчас так уже почти не делают. А зря – может, и газеты настолько быстро не умирали бы.

– Вас подтолкнула история ваших коллег, а потом в начале статьи вы описали некую обобщенную ситуацию? Или это тоже реальные люди?

– Тогда не принято было жаловаться и говорить о своей судьбе. Журналисты – вроде как солдаты партии, которые не должны сами вылезать на экраны, на страницы газет. А должны заниматься другими людьми. Не буду же я писать: вот наш корреспондент, его жену избили... Поэтому просто взял из почты подходящее письмо. В редакции был огромный отдел, который эту почту читал. Там человек 40 работало, конверты приходили мешками. Это сейчас в интернете отклики на статью – два, три десятка или сто. А тогда сотни писем присылали. Только в Сети сегодня почти никто не может двух слов связать – либо ругается, либо мычит, как корова, а в те годы люди писали связно и грамотно. Так что я попросил подобрать подходящее письмо, интересную судьбу. И использовал его в качестве зачина.

– Сколько вы работали над этой статьей?

– Этот процесс всегда приблизительно одинаковый. Сначала приходят в голову какие-то вещи. Недели две сидишь, размышляешь – созревает идея статьи. Начинаешь собирать факты – на это уходит еще две-три недели. Потом за неделю можно оформить материал. Раньше же не писали, как сейчас: с первого раза – вкривь, вкось, с ошибками. Требовалась, чтобы была выверена каждая строчка, каждое слово. Поэтому пишешь, переписываешь, какие-то факты выбрасываешь, какие-то, наоборот, ищешь и добавляешь. Главное – в то время нельзя было соврать: люди читали грамотные.

Если я пишу в этой статье, например, о том, как революционеры принимали свои декреты, касавшиеся женщин, то не могу же это из пальца высосать. В «Комсомольской правде» была большая библиотека. Хочешь что-то найти – идешь туда, заказываешь литературу. Тебе приносят нужные материалы – садишься и начинаешь копать, работать. Вот так делали статьи. По-другому не получалось.

Зато сейчас можно врать – и не поймешь, где правда, а где брехня. Меня это очень напрягает в интернете: чему верить, а чему нет? Чем еще хороши газеты: там не врут так беззастенчиво и нагло. А вот один известный телеканал недавно снова обещал конец света: к планете, мол, летит огромный астероид. 12-го числа готовьтесь помирать. Пришел этот день – и ничего. С кого спросить?

Найти свою тему

– При работе над статьей «Я люблю» вы выбрали тему самостоятельно или предварительно согласовали ее с редактором? Была ли в этом смысле свобода творчества?

– Когда ты еще молодой корреспондент и не понимаешь, о чем и как надо написать, с «этажа» тебе присылают тему. Или дают читательское письмо – разберись. Я так первую статью в центральной «Комсомолке» написал о дедовщине. И в итоге вообще стал первым, кто в Советском Союзе рассказал об этом явлении на страницах газеты. Называлась она «Однажды в кубрике». Потом было еще много статей. Но, став в начале 1990-х заведующим корреспондентской сетью, я как начальник получил больше свободы. В потогонной системе уже не работал: хочешь пиши – хочешь нет. И мог сам выбирать, какой темой заняться. У меня ведь все равно на душе свербило. Что это я сижу, как чиновник, с утра до вечера, и какой-то ерундой занимаюсь? То региональных корреспондентов погоняю, то строчки их считаю, то таскаю материалы на летучку и говорю: вот он, бедный сирота, ему детей кормить – поставьте его заметку в номер. Самому мне хотелось написать что-то стоящее, отличиться. А такую статью подготовить – не то же самое, что по заданию смотреться в Баку, Ереван или Таджикистан по конкретному инфо-

поводу. Поэтому сидишь, занимаешься осмыслением, в библиотеку ходишь. Выписываешь книги, разбираешься. И потихоньку-полегоньку собираешь материалы.

Так был написан целый цикл статей подобного типа: «Бедность», «Коррупция», «Жестокость», «Быль о правах», «Революция на экспорт», «В гостях хорошо? А дома плохо...», «Русский вопрос», «Великая автомобильная мечта» и другие. В то время это все было в новинку, и такие исследования шли на ура.

«Комсомольская правда» тогда выходила всего на четыре страницы. А только на «этаже» у нас пишущих работало 110 человек, и еще 40 – корреспонденты по всему миру. Существовала жесточайшая конкуренция, чтобы вообще на полосу попасть. А уж чтобы тебе ее целиком выделили – можно только мечтать. Но я вот нашел свою тему. (Вообще, каждый журналист должен это сделать.) И цикл статей возник исходя из простой вещи: на новом этапе надо было понять советскую действительность, уже по-другому ее осветить. Нам же как говорили: у нас коррупции нет, бедности – тоже. А эти публикации развенчивали такие представления. То есть впервые было сказано, что та же бедность все-таки есть. А почему? Потому что так у нас государство построено.

– А откуда вообще взялась эта позиция развенчания советской действительности? В вас какое-то внутреннее диссидентство сидело, либо это стало установ-

кой издания в целом?

– Да, сидело. Причем всегда. Есть такое психологическое правило: чтобы идти дальше, надо разобраться с прошлым. Оттолкнуться от чего-то. Признать, что это неправильно, и шагнуть дальше. Был как раз такой период.

Но вскоре разоблачение стало общим местом. И уже многие продолжили глодать ту же самую кость. Чем я горжусь, так это тем, что никогда не повторяюсь. Написал вот статью о мафии – о том, что в СССР она тоже существовала – и больше мне это не интересно.

Но со временем развенчание советской власти осточертело и всем остальным. Сейчас в силе другой тренд. Мол, в то время все было хорошо: страна прекрасна, жизнь чудесна. Прошло 25 лет – и люди забыли. Пресса поворачивается вслед за ними: «Вот если бы не развалили великую страну... А кто развалил? Ааа, эти негодяи – Горбачев да Ельцин...» Ничего подобного!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.